УДК 94(470.638) DOI: 10.5281/zenodo.18330873 EDN: QJOUWX

ДЕКЛАССИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ АРИСТОКРАТИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ: К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

© 2025 ***А.Т. Джумагулова***
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Статья посвящена исследованию трансформации социальной структуры ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX веков. Анализируется процесс деклассирования традиционной аристократии (султанов и мурз) и формирования новой элиты, основанной на экономическом факторе. Выявлены причины, обусловившие социальную трансформацию: интеграция в административную систему Российской империи, приведшая к передаче управленческих функций институту российских приставов; системный кризис экстенсивного кочевого скотоводства, вызвавший тотальное обнищание знати; целенаправленная политика имперских властей по унификации социального пространства. Научная новизна работы заключается в комплексном изучении механизмов социальной мобильности и смены элит в условиях модернизации традиционных обществ в процессе интеграции в состав Российской империи и особенности трансформации их социальных структур в имперский период.

Ключевые слова: ногайцы, социальная стратификация, деклассирование, имперская модернизация, Северный Кавказ, сословная структура, социальная мобильность, кочевые общества.

Введение. Актуальность изучения трансформационных процессов в социальной структуре народов Российской империи в XIX – начале XX в. обусловлена необходимостью глубокого осмысления интеграционных механизмов, обусловивших формирование единого социокультурного и экономического пространства государства. В рамках рассматриваемой проблематики значительный научный интерес представляет анализ эволюции традиционных обществ кочевых и полукочевых народов, которые подверглись значительной модернизации под влиянием имперской административной политики. Среди них особое место занимают ногайцы Северного Кавказа, социальная организация которых, уходящая корнями в золотоордынскую эпоху, вступила в период интенсивной трансформации после вхождения в состав России.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ причин, механизмов и последствий деклассирования традиционной ногайской аристократии (султанов и мурз) и формирования новой элиты на основе экономического фактора в XIX – начале XX века.

Хронологические рамки исследования охватывают XIX – начало XX вв. Данный период ознаменован кардинальными переменами в жизни ногайских обществ: от сохранения элементов традиционного уклада в начале столетия до глубокой социально-экономической трансформации и нивелирования значения сословных привилегий к его концу.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности. В работе применялись специальные исторические методы: проблемно-хронологический (для выявления этапов трансформации), сравнительно-исторический (для анализа специфики процессов у разных групп ногайцев), социально-структурный анализ (для изучения изменений в стратификации). Междисциплинарный подход, основанный на методах социологии и экономики,

позволил проанализировать феномены социальной мобильности и имущественной дифференциации

Основная часть. Инкорпорация ногайских обществ в административную систему Российской империи повлекла за собой формализацию правового статуса традиционной знати. В рамках имперской сословной политики султаны были признаны высшим дворянским сословием ногайцев и приравнены в родовых правах к княжескому достоинству в российской аристократической иерархии, в то время как мурзам был закреплен статус дворянства [4, с. 49]. Данная мера законодательно зафиксировала сложившуюся социальную стратификацию, исторические корни которой документально подтверждаются: еще в 1608 г. ногайские мурзы приняли правовой акт, устанавливавший властные прерогативы князей над мурзами, а последних – над улусным населением [2, с. 167]. Согласно источникам, ногайские султаны мигрировали на Кавказ из Крыма и интегрировались в местные сообщества в качестве «почетных гостей», пользуясь особым статусом преимущественно среди ногайцев [15, с. 50]. А.П. Берже идентифицирует пять основных султанских родов: Келембетовский (Мансуровы), Карамурзинский, Кипчаковский (Мамакаевы, Абуловы), Наврузовский (Капланов) и Мангитовский [5, с. 503]. Несмотря на высокий статус, численность султанов была незначительной, а их экономическое положение часто оказывалось неустойчивым ввиду отсутствия достаточной податной базы [16].

Роль султанов в общественно-политической жизни варьировалась в зависимости от региона: так, у кубанских ногайцев их влияние было существенно выше, чем у групп, кочевавших в бассейне реки Кумы. В частности, в регионах Кубани и Урупа султаны играли ключевую роль в осуществлении власти [16].

К середине XIX века наблюдается значительная трансформация статуса султанов в социальной структуре ногайских обществ. Архивные материалы свидетельствуют о постепенном отстранении их от традиционных властных полномочий и кардинальном изменении характера социальных взаимоотношений [16]. Показательным в данном контексте является инцидент 1857 года, связанный с массовым бегством рядовых кочевников из аула султана Сагат-Гирея, спровоцированным злоупотреблениями с его стороны. Подавление волнений было осуществлено регулярными воинскими подразделениями по распоряжению командующего Усть-Лабинским участком [14, с. 10]. Аналогичные социальные протесты против власти султанов фиксировались в касаевских и наймановских аулах на Кубани. В подобных ситуациях имперская администрация демонстрировала тактику формальной поддержки традиционной знати, принуждая население к подчинению и исполнению податных обязательств [1, с. 775-778]. К середине XIX века положение ногайских султанов претерпело системные изменения, обусловленные комплексом факторов: ростом социального недовольства, целенаправленной политикой администрации по ограничению их власти при сохранении внешнего покровительства, а также созданием альтернативных институтов управления.

Значительную роль в социальной иерархии ногайцев продолжали играть мурзы – представители знати, исторически осуществлявшие управление племенами и родами. После интеграции в состав Российской империи мурзы сохранили элитный статус, занимая ключевые административные должности (старшин, табунных голов и пр.). Как отмечал Н.Ф. Дубровин, их генеалогия возводилась к Эдигею, основателю Ногайской орды [12, с. 263]. Статистические данные 1827 года свидетельствуют о значительном количестве мурз в различных ногайских обществах: 22 – в Караногай-Едишкульском приставстве, 34 – среди Ачикулак-Джембойлуковском, по 24 – в Калаус-Джембойлуковском и Калаусо-Саблинском приставствах [6].

Имперские власти проводили системную работу по документированию и легитимации сложившихся социальных отношений. Сбор сведений о повинностях и податях, которые рядовые ногайцы несли в пользу мурз, иллюстрирует стратегию формального невмешательства при сохранении детального контроля над внутренними процессами в ногайских обществах. Важно отметить, что ногайская аристократия обладала значительными привилегиями, включая освобождение от участия в системе общих повинностей [1, с. 775] и [15, Т. 2, с. 151-153]. Мурзы пользовались правом экстерриториальности в судебной сфере – их дела не подлежали рассмотрению ни общественными, ни духовными судами. Они были освобождены от телесных наказаний за правонарушения, а вопросы их правовой ответственности решались исключительно на закрытых советах представителей мурзинских родов [6].

Источники XIX века фиксируют существенную трансформацию взаимоотношений между привилегированными слоями и рядовым населением, выделяя два различных периода: до и после вхождения в состав Российской империи. Ключевым фактором ослабления влияния традиционной знати стало ее экономическое оскудение [9]. Кризис экстенсивного кочевого скотоводства и разорение хозяйств в Предкавказских степях в первой половине XIX века привели к стиранию экономических различий между знатью и рядовыми кочевниками. Показательны данные из отчетов пристава за 1839 год, демонстрирующие замену сословного принципа стратификации имущественным. Согласно этим документам, в ауле Покоривший ногайский мурза владел лишь 2 лошадьми и 10 головами КРС, тогда как его подвластные имели от 70 до 300 голов скота различных видов [6].

Власть мурз и султанов постепенно становилась номинальной – экономическая деградация привела к тому, что лишь в силу традиции простые ногайцы продолжали предоставлять им символические выплаты в виде двух мерок проса, арбы сена и арбы дров [6]. Так, часть привилегированных слоев, утратив основное богатство – скот – утратила и экономическое отличие от рядовых ногайцев, что закономерно привело к снижению их социального статуса.

Процесс обнищания элит был обусловлен комплексом объективных факторов. Во-первых, критическое сокращение пастбищных территорий. Интенсивная эксплуатация ограниченных пастбищных ресурсов при содержании многочисленного поголовья скота привела к их деградации и снижению продуктивности. Во-вторых, существенное влияние оказывали экстремальные природно-климатические условия. Территории Караногай-Едишкульского и Ачикулак-Джембойлуковском приставств характеризовались аридным климатом и ограниченной водообеспеченностью. На фоне прогрессирующего обнищания представители знати стали демонстрировать отклонение от традиционных эндогамных брачных практик. В XIX веке фиксируются случаи заключения браков между мурзами и представителями непривилегированных слоев – узденями, азатами и даже кулами, что подрывало сакральные основы их сословной исключительности и дискредитировало их авторитет в глазах общества [19, с. 42–43].

Особую страту в социальной структуре ногайских обществ составляли уздени (кайбаши) и асланбеки. Несмотря на формальную подчиненность мурзам, они обладали личной свободой, участвовали в общественном самоуправлении и выполняли важные военные функции, формируя личную охрану знати. Данные группы можно отнести к традиционному служилому сословию, выполнявшему военные и административные функции при ногайской знати [9]. Однако с ослаблением власти мурз социальный статус узденей и асланбеков постепенно нивелировался до уровня свободных общинников – азатов [7].

Значительными привилегиями обладало духовенство, занимавшее, по оценке Н.Ф. Дубровина, второе по значимости место в социальной иерархии после мурз [12, с. 263]. В некоторых случаях его влияние превышало авторитет светской знати [6]. Численность духовных лиц определялась потребностями конкретных обществ, поскольку их содержание осуществлялось за счет местных ресурсов [14, с. 21–22].

Значительную роль в системе социальной стратификации ногайских обществ играла особая категория – байство. В условиях усиления имущественной дифференциации в XIX веке среди ногайцев сформировалась группа крупных скотовладельцев, не принадлежавших к традиционной знати (султанам и мурзам). Концентрируя в своих руках значительные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, они приобретали влияние даже на мурз, которым ранее подчинялись [18, с. 1-8].

Основу ногайского общества составляли автономные хозяйства кочевников-скотоводов, обозначаемые в источниках как «простой народ». В зависимости от объема скота владельцы состоятельных хозяйств именовались азатами, менее обеспеченные – кедеями, а полностью лишенные скота – байгушами. Статистические данные по кочевым хозяйствам ногайцев свидетельствуют о глубокой имущественной дифференциации. Согласно материалам 1879 г., в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве наблюдалось следующее распределение: 34,46 % хозяйств (байгуши и владельцы 1 головы скота) находились в состоянии абсолютной бедности, 29,54 % составляли малоимущие хозяйства (2–5 голов скота), 27,13 % относились к экономически самостоятельным хозяйствам (5–50 голов), 8,87 % представляли богатые хозяйства (байство) с поголовьем от 50 до 1000 голов. Схожая структура фиксируется в Караногайском приставстве, где доля беднейших групп достигала 26,97% [3, с. 32].

К этому периоду исчезли традиционные привилегированные группы тарханов и сеидов. Тарханы, происходившие из вольноотпущенных холопов, ранее обладали личной свободой и освобождались от повинностей [8]. Их сословие было упразднено «Уставом для управления ногайцев» (1827) в целях унификации налоговой системы. Сеиды, основывавшие свой статус на происхождении от пророка Мухаммеда, также лишились привилегий после административного вмешательства российских властей [15, с. 151-153].

Особую категорию составляло зависимое население – ясыри (рабы). По данным 1820–1830-х годов, их численность в отдельных обществах колебалась от 510 до 868 человек, составляя преимущественно домашнюю прислугу [10]. К 1860-м годам институт рабства практически исчез вследствие экономического кризиса и интеграции ясырей в кочевую среду [17].

Во второй половине XIX века социальная организация ногайских обществ претерпела интенсивную трансформацию, обусловленную кризисом традиционных отраслей кочевого хозяйства — коневодства, овцеводства и скотоводства. Деградация экстенсивной скотоводческой системы выступила ключевым фактором, детерминировавшим структурные изменения в ногайском социуме. Основными причинами сокращения поголовья скота стали:

1) сужение пастбищных территорий, критически необходимых для поддержания кочевого уклада;

2) экстремальные природные явления (бураны, засухи);

3) ограниченность природно-климатических ресурсов (аридность почв, дефицит водных источников).

Кумулятивное воздействие этих факторов привело к последовательной рецессии и последующей стагнации традиционной экономической системы ногайцев [11, с. 392-393].

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что социальная структура ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. претерпела фундаментальную трансформацию, характеризующуюся деклассированием традиционной аристократии и формированием новой системы стратификации на экономической основе.

Ключевыми факторами, обусловившими указанные трансформации, выступили:

1) интеграция в административную систему Российской империи, повлекшая формализацию правового статуса знати и постепенную утрату ее властных полномочий в виду передачи управленческих функций имперским административным институтам в лице российских приставов, которые дублировали и постепенно вытесняли традиционные институты власти, превращая ногайскую знать из управляющей элиты в социальную группу с преимущественно символическим статусом;
2) системный кризис экстенсивного кочевого скотоводства, обусловленный сокращением пастбищных территорий, экстремальными природно-климатическими явлениями (бураны, засухи) и эпизоотиями, привел к масштабной потере основного богатства знати – скота. Данный процесс имел фундаментальные социально-экономические последствия: тотальное обнищание традиционной аристократии стирало прежнее экономическое неравенство, объективно уравнивая султанов и мурз с рядовыми скотоводами. Утрата поголовья разрушала материальную основу их социального превосходства, лишая их не только экономического, но и традиционного властного ресурса, что являлось ключевым фактором деклассирования элиты;
3) политика имперских властей по унификации социального пространства, выразившаяся в упразднении отдельных групп (тарханов, сеидов) и редирекции повинностей в пользу государственной администрации, логически завершила процесс интеграции ногайского общества в правовое и фискальное поле империи. Данная мера системно ликвидировала правовой партикуляризм, окончательно изменив экономические основы традиционной социальной структуры. Таким образом, административная унификация стала заключительным фактором, преобразовавшим внутреннюю социальную иерархию ногайцев в соответствии с имперскими стандартами управления.

Следствием указанных процессов стало нивелирование сословных различий и снижение социального статуса аристократии, вынужденной вступать в мезальянсы с непривилегированными слоями и заниматься наемным трудом. Параллельно с деклассированием традиционной элиты происходило формирование новой социальной иерархии, основанной на имущественном принципе. Выделилась прослойка байства – крупных скотовладельцев незнатного происхождения, сосредоточивших в своих руках экономические ресурсы и приобретших значительное влияние. Социальная структура окончательно трансформировалась от сословной к экономической стратификации, с ярко выраженной поляризацией на богатых скотовладельцев (8–13 % хозяйств) и полностью обездоленных байгушей (25–35 % хозяйств). К началу XX века традиционная социальная организация ногайцев, восходившая к золотоордынской эпохе, уступила место новой системе отношений, интегрированной в общеимперское социально-экономическое пространство. Данная трансформация отразила общую тенденцию модификации социальных структур кочевых народов Юга России в условиях имперской модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссиею: том 8. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1881. – 1033 с.
2. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и редактировал А. М. Гневушев. – Москва: [б. и.], 1918. – Вып. 2. – 421 с.
3. Бентковский, И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости: газета. – 1879. – № 32. – С. 34–35.
4. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1 / И. В. Бентковский. – Ставрополь : Типография Губернаторского Правления, 1888. – 134 с.
5. Берже А. П. Татарское племя на Кавказе / А. П. Берже // Кавказ : газета. – 1859. – № 87. – С. 486–488.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 708 «О собрании частными приставами сведений на счет законов, обычаев и прочего из кочующем магометанских народом существующих и доставляемых начальнику части вместе с замечаниями на счет управления ими», Л. 24-25
7. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 1886 «По предписанию господина Начальника Кавказской области, о доставлении родословного фамильного списка магометанам, кои отличаются исстари знатною породой, доброй нравственностью и пользуются особенным уважением в народе», Л. 10 .
8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 2584 «О законах и обычаях Магометанского народа», Л. 40.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 2733 «О приведении в известность податей, коими обязаны ногайцы их мурзами», Л. 2–6.
10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», Опись 3, Дело 2889 «О холопах или Ясырях, владеемых магометанскими народами».
11. Джумагулова А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков / А. Т. Джумагулова // Научный диалог. – 2022. – № 11 (7). – С. 377–397.
12. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. Очерк Кавказа и народов его населяющих / Н. Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1871. – Т. 1, кн. 1. – 640 с.
13. Забудский Н. Н. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба / Н. Н. Забудский. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального Штаба, 1848–1858. – Т. 16, ч. 5: Ставропольская губерния, 1851. – 274 с.
14. Кочекаев Б.-А. Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX веков / Б.-А. Б. Кочекаев. – Алма-Ата: Казахский государственный университет имени С. М. Кирова: кафедра истории СССР, 1969. – 60 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Санкт-Петербург: в Тип. 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том II. – 1561 с.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 414 «Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о России», Опись 1, Дело 434 «Материалы об образе жизни, обычаях и нравах народов, живущих за Кубанью, административном делении и управлении Кавказом, выписанные из архива Иностранных дел за период с конца XVIII в. до 1863 г.», Л. 107-108
17. Рудановский А. О ясырях / А. Рудановский // Санкт-Петербургские ведомости: газета. – 1861. – № 235.
18. Самойлов А. А. Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым / А. А. Самойлов. – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1881. – 56 с.
19. Сословное право горцев Кубанской области 1872–1903 гг. // Генеалогия Северного Кавказа: историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. – 2007. – № 19. – С. 3–122.

Поступила в редакцию 26.08.2025 г.

DECLASSING OF THE TRADITIONAL ARISTOCRACY AND THE FORMATION OF A NEW ELITE: ON THE PROBLEM OF SOCIAL MOBILITY OF THE NOGAIS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX-th – EARLY XX-th CENTURIES

A. T. Dzhumagulova

The article investigates the transformation of the social structure of the Nogai society in the North Caucasus during the XIX-th and early XX-th centuries. It analyzes the process of declassing of the traditional aristocracy (sultans and murzas) and the formation of a new elite based on economic factors. The study identifies the causes that determined this social transformation: integration into the administrative system of the Russian Empire, which led to the transfer of managerial functions to the institution of Russian pristavs (officials); the systemic crisis of extensive nomadic cattle breeding, which caused the total impoverishment of the nobility; and the targeted policy of the imperial authorities to unify social space. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive study of the mechanisms of social mobility and the change of elites in the context of the modernization of traditional societies during their integration into the Russian Empire and the specificities of the transformation of their social structures during the imperial period.

Key words*:* Nogai people, social stratification, declassing, imperial modernization, North Caucasus, estate structure, social mobility, nomadic societies.

Джумагулова Айгуль Темерхановна
Кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Ставропольский край, РФ.
E-mail: aigul-men@mail.ru

Dzhumagulova Aigul Temerkhanovna
Candidate of Historical Sciences,
FSBEI HE «Pyatigorsk State University»,
Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russian Federation.
E-mail: aigul-men@mail.ru